

Спускаясь по змѣобразной тропинкѣ въ долину и проходя среди домовъ тибетцевъ, мы нигдѣ не видѣли самихъ туземцевъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ женщинъ и дѣтей, почтительно кланявшихся намъ и съ любопытствомъ, и страхомъ смотрѣвшихъ на нашъ караванъ. И только подходя къ мѣсту расположенія бивуака, мы встрѣтили одного молодого лингуз'ца, принесшаго, по распоряженію ламъ, кормъ для животныхъ и топливо для нашего лагеря. На мой вопросъ къ нему: „ты, кажется, воевалъ сегодня съ нами?“ — смертельно испуганный туземецъ произнесъ; „да, но я еще съ перевала, послѣ того какъ вы убили нашихъ нѣсколькихъ человекъ, пустился на уходъ, забывъ даже о своей раненой лошади, но тѣмъ не менѣе бѣжалъ съ такою быстротою, что меня не могли догнать и конные товарищи“. — „Почему же ты безъ сабли?“ продолжалъ спрашивать я. — „Согласно вашего приказанія, переданнаго ламами“. — На послѣдній вопросъ: „Будешь ли ты еще воевать съ нами?“ туземецъ, не задумываясь рѣшительно произнесъ: — „никогда!“

Этотъ лингуз'ецъ не покидалъ нашего лагеря въ теченіе трехъ дней, проведенныхъ экспедиціей въ долину Я-лун-цзяна, пахотаясь при кухнѣ и исполняя всевозможныя порученія повара. Замѣтивъ, однажды, что я розыскиваю подстрѣленную птичку, онъ поспѣшилъ помочь мнѣ и, дѣйствительно, очень скоро отыскалъ стрижа, лежавшаго среди нагроможденныхъ каменныхъ глыбъ и обломковъ. Понявъ мое удовольствіе при видѣ найденной птички, туземецъ знаками испросилъ позволенія слѣдовать за мной дальше и, обрадованный моимъ положительнымъ отвѣтомъ, съ осторожностью кошки ступалъ мнѣ вслѣдъ. При немъ я убилъ еще трехъ стрижей, быстро, съ рѣзкимъ свистомъ, пролетавшихъ вблизи насъ. При каждомъ удачномъ выстрѣлѣ лингуз'ецъ прыгалъ и радовался какъ ребенокъ, поражаясь мѣткостью стрѣльбы. Надо замѣтить, что тибетцы не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о дробѣ и случайно видѣвшіе ее у насъ считали не за дробь, а за порохъ, равно никогда не стрѣляютъ они даже по тихо движущейся цѣли, поэтому оцѣнка въ стрѣльбѣ, согласно ихъ понятіямъ, не представляется странной. По возвращеніи на бивуакъ, тибетецъ долго передавалъ свои впечатлѣнія прочимъ туземцамъ, удивленно смотрѣвшимъ на рассказчика и покачивавшимъ своими головами. Впослѣдствіи, лингуз'цы не однократно говорили нашему переводчику Дадай'ю, что они были очень глупы, открывъ съ нами военныя дѣйствія и что небольшому пилинскому отряду никакой многочисленный составъ тибетскихъ воиновъ не долженъ быть страшенъ.